

# Национализм как основа мобилизации

Марлен Ларюэль, бесспорно, заслуживает звания одного из лучших исследователей современного русского национализма<sup>1</sup>. И если она задается вопросом, может ли национализм стать двигателем перемен в России, можно заранее сказать, что ответ не будет банальным, а ход мысли заслуживает самого внимательного отношения. Тем более стоит послушать такого эксперта сейчас, когда одни наблюдатели говорят о подъеме русского национализма “после Крыма”, а другие — о его упадке, при виде резко поредевших “русских маршей”.

Напрашивается гипотеза, что *имперский* национализм сейчас на подъеме, а вот *этнический* в упадке<sup>2</sup>. Но автор статьи “Is Nationalism a Force for Change in Russia?”<sup>3</sup> справедливо указывает, что классифицировать русских националистов по такому бинарному критерию не слишком корректно и плодотворно. Во-первых, потому что даже в теории этот критерий не дает четкого разделения, а во-вторых, на практике у групп могут быть довольно извилистые идейные траектории и, главное, самые причудливые сочетания взглядов.

Тем не менее я бы сказал, что вовсе отказываться от этого критерия явно преждевременно: во-первых, его активно используют сами объекты классификации, а во-вторых, что еще важнее, приоритет, который они выбирают, — “русский народ” или “держава”/“империя”/“цивилизация” — заметно коррелирует с другими существенными признаками. Этно-националисты по преимуществу мечтают

об этнически определяемом национальном государстве русских, которому, в их представлении, должно быть гарантировано равенство с другими (желательно наиболее мощными мировыми государствами). “Русскость” они определяют по культуре или просто по крови и чаще выступают за демократию (пусть не всегда либеральную), чем за диктатуру. Вторые, которых обычно называют “имперцами” или “державниками”, фокусируются на глобальной и уникальной миссии России; в рамках данной системы взглядов Россия мыслится этатистски и идеократически, “русскость” понимается через связь с этой идеократией и отчасти через культуру, а в основе государства чаще всего лежит авторитарная модель.

При этом и те, и другие националисты могут как быть в жесткой оппозиции существующему режиму, так и числить себя его “попутчиками” или даже сторонниками. И тут нельзя не согласиться с Ларюэль, что критерий отношений с режимом не менее важен для классификации политических групп в авторитарно управляемой стране. Руководствуясь именно этим критерием, она делит националистов на три категории — собственно политическое руководство (куда включается сам президент и его администрация), оппозиционеров и всех, кто между ними. И очень точно называет последних “окологосударственными” — а не “прокремлевскими”, как это часто делают другие авторы, — подчеркивая, что у этой третьей категории всегда есть своя игра, и тем самым они, по крайней мере

в большинстве своем, не просто исполнители воли администрации.

Ларюэль начинает свой обзор с оппозиционных групп и выделяет три — нацболов (лимоновцев), “скинхедов” (и наследующее им Движение против нелегальной иммиграции, ДПНИ) и национал-демократов, то есть пестрое множество групп, пытающихся каким-то образом сочетать националистические установки и хотя бы некоторые либерально-демократические ценности. Наверное, эти три объединения наиболее заметны, но все-таки из списка оппозиционных выпадают целые течения, например националистически ориентированные православные или коммунисты, а их точно не меньше, чем нацболов или национал-демократов. Возможно, автор подразумевает, что они относятся к “окологосударственным”, но в явном виде это не сказано, и, таким образом, в классификации Ларюэль они отсутствуют. Кроме того, термин “скинхеды” является анахронизмом: часть русского этнонационализма, выросшая на наци-скинхедской почве, сама уже довольно заметно эволюционировала, породив целый спектр разных течений.

Но возможно, эти претензии уже не столь существенны, поскольку мы имеем дело с “уходящей натурой”: начиная с 2012 года в лагере националистов наблюдается явный упадок, с 2014-го он только усилился<sup>4</sup>. Это касается всех: и нацболов Эдуарда Лимонова, и “чистых неонаци” (таких, как “Реструкт” Максима Марцинкевича, который давно сидит за решеткой и выйдет не скоро), и почти респектабельных нацдемов (например, Национально-демократической партии Константина Крылова).

Давление со стороны властей, явно и неуклонно нараставшее с осени 2014 года, тоже испытали все, хотя и не в равной степени. Под большим давлением, естественно, оказались те, кто выступил против “русской весны”, а это была добрая половина движения, причем более радикальная его часть<sup>5</sup>. (Ларюэль оценивает поддержку той или иной стороны донбасской войны на основании числа тех, кто отправился воевать на соответствующую сторону, но эта оценка неполна. И бойцов, сражавшихся на стороне ДНР/ЛНР, и замет-

ных авторов, чьи публикации оказывали им активную идеологическую поддержку, было больше; но на уровне “улицы” соотношение было ближе к 50:50, причем “чистые неонаци” чаще были за Киев.)

Конечно, это не значит, что националистическое движение уже не способно преодолеть нынешний упадок. Однако очень похоже на то, что новый подъем, какие бы формы он ни принял, будет происходить с другими лидерами, в другой конфигурации и, вероятнее всего, вокруг каких-то иных идей.

“Окологосударственные” националисты не переживают столь явного упадка. Наоборот, идеологическая активизация государства, начиная, опять же, с 2012-го и особенно с 2014 года, создает спрос на подобную активность, и “окологосударственные” пытаются играть с режимом как партнеры. Эта тактика оказывается не слишком успешной, поскольку вес у “партнеров” уж слишком разный. Даже такой крупный и идеологически активный игрок, как РПЦ, не может быть Кремлю равным партнером; тем более не могут претендовать на такой статус объединения публицистов типа Изборского клуба, даже при том, что они пользуются поддержкой некоторых олигархов.

Такое соотношение сил означает, что “окологосударственные” со своими идеологическими проектами скорее конкурируют за внимание “первой категории” националистов — в классификации, предложенной Ларюэль, это администрация президента. Конкуренция предполагает как сознательную адаптацию к потенциальному заказчику, так и привлечение внимания общества посредством радикальных, утопических проектов. Подобные проекты могут шокировать либеральную общественность, представители которой иногда называют их фашистскими, но Ларюэль справедливо пишет, что никакого фашизма в этом нет, хотя бы потому что отсутствует ключевой для фашистского движения элемент — революционность (добавлю, что в этом смысле фашизма все меньше и в оппозиционной части националистического сектора).

“Окологосударственные националисты” не организованы по партиям и движениям.

Очевидно, просто потому, что это контр-продуктивно в отношениях с администрацией, да и народу у них для этого мало. Чтобы как-то структурировать это поле, Ларюэль использует термин “экосистемы”. “Экосистемой” она называет конгломерат групп и деятелей самого разного типа — чиновников, бизнесменов, публицистов, активистов, пиарщиков, связанных и опытом клиентских отношений, и некоторой, весьма приблизительной, идейной близостью, но связанных не жестко, не “партийно”.

Однако “расписать” всех “по экосистемам” не так просто. Автор выделяет по крайней мере две большие экосистемы. Первая связана с ВПК — ее интеллектуальным представителем выступает Изборский клуб, а на официальном политическом поле она представлена партией “Родина”. Вторая экосистема связана с “православными бизнесменами” Якуниным и Малофеевым, она заметнее на международной арене (примером может служить проект Якунина “Диалог цивилизаций”<sup>6</sup>), но внутри страны представлена слабее. В терминологии Ларюэль первая экосистема “красная”, вторая — “белая”, то есть в качестве исторических ориентиров они предпочитают, соответственно, СССР и империю Романовых; но это различие не резкое, оно скорее в акцентах. К войне в Донбассе причастны обе системы, но по-разному: активно агитировали за нее все, но непосредственные организационные усилия связывались, по всей видимости, персонально с Малофеевым.

Ларюэль при этом справедливо считает РПЦ отдельной “околовластной” экосистемой. А вот четвертую экосистему она выделяет фактически по остаточному принципу, относя к ней разных политиков типа Сергея Бабурина, Геннадия Зюганова, Натальи Нарочницкой (почему-то упустив Владимира Жириновского), даже Сергея Нарышкина. Все эти люди так или иначе играли или играют с националистической тематикой (в частности, с проблемой “соотечественников”), но все-таки представляется неоправданным объединение их в экосистему в том же смысле, что и три предыдущие. Можно предварительно предположить, что часть этих политиков склонны ориентироваться на три предыду-

щие экосистемы, другие же, вполне возможно, ограничиваются рамками своих маленьких кружков.

Перспективы всех этих кругов и кружков, хотя они и стараются представить себя в качестве независимых общественных движений, полностью зависят от курса и практических решений президентской администрации. Последняя может пользоваться их разработками, их связями с западными партнерами, привлекать их как пропагандистов, может даже дать им гораздо более широкие локальные полномочия — как это было в 2014 году в Донбассе, когда приближенные к Малофееву Александр Бородай и Игорь Гиркин (Стрелков) оказались ключевыми фигурами начинавшейся войны<sup>7</sup>. Но администрация как центр принятия решений не видит в них партнеров — такого статуса в России, как сказано выше, не удостоен никто; а они не видят другого способа действия, как через администрацию. Даже открытое оппонирование политике властей, похоже, понимается в большей мере как средство торга и влияния, а не как построение собственного, оппозиционного и альтернативного, курса. И так, надо полагать, будет до тех пор, пока политический режим сохраняет стабильность.

Сам же режим, как справедливо пишет Ларюэль, не выдвигает единой идеологии национализма, а скорее подает некую совокупность “сигналов”. Эта намеренная неопределенность сохраняется даже после двух волн явной идеологизации — в 2012-м и 2014 годах. Задача этой деятельности, в большей мере пропагандистской, чем собственно идеологической, — не столько сплотить большинство вокруг некоей идеи, сколько не мешать большинству сплотиться вокруг власти несмотря на то, что внутри этого большинства представлены разные идейные предпочтения. Одновременно режим более или менее четко выделяет несогласное прозападное меньшинство, подчеркивая его противопоставленность “патриотическому” большинству.

Про эту совокупность сигналов можно определенно сказать по крайней мере одно: это не этнический русский национализм. Конечно, он и не гражданский, так как “гражданский национализм” подразумевает

политическую активность и определенную политическую свободу граждан. Насколько он имперский? Ларюэль в этом сомневается, и действительно, тут можно выдвигать разные аргументы “за” и “против”; но ее трактовка путинского национализма как “государственного”, то есть антизападного и этатистского, безусловно верна. Публичные высказывания Путина, касающиеся национального вопроса, вполне соответствуют общим установкам “имперского” или “цивилизационного” национализма, о которых говорилось выше. При этом официальный национализм не готов сам себя идентифицировать в каких бы то ни было терминах, в том числе и в таких. Даже принципиальный для Кремля этатизм не декларируется прямо, чтобы не ограничивать собственную свободу маневра, представляющую важнейшую ценность для верховной власти. Пока не видно причин, которые побудили бы Кремль модифицировать свой вариант национализма, хотя какие-то колебания курса вполне возможны, например с целью оживить предвыборную кампанию Путина.

Тем не менее рано или поздно и режим, и доминирующая квазиидеология неизбежно изменятся, хотя бы потому что ничто не вечно (характер изменений, конечно, будет зависеть от целого ряда обстоятельств), так что сегодня можно попытаться представить, какие из вышеописанных националистических акторов могут сыграть в этом существенную роль. В своей статье Ларюэль рассматривает возможную роль оппозиции. По ее мнению, официальному национализму могут противостоять две альтернативы, имеющие перспективу в России, хотя обе пока еще сравнительно слабы. Первая — исламское движение: строительство собственной коллективной идентичности в рамках этого движения идет вразрез со сложившейся неформальной иерархией этнокультур (в которой российская “цивилизация” описывается через некое русское и православное “ядро”<sup>8</sup>); но исламизм — все-таки совершенно отдельная тема.

Вторая альтернатива — национал-популизм в европейском стиле, то есть движение в защиту социальных благ от “понаехавших” в сочетании с культурным изоляционизмом. Такие движения обычно род-

ственны традиционным, неонацистским ультраправым, но развиваются отдельно от них. Ларюэль видит потенциал для развития подобного национал-популизма и в России — также на основе национал-демократических, а не неонацистских групп<sup>9</sup>. И вот здесь возникает проблема: как и многие исследователи, Ларюэль явно преувеличивает значимость этих групп.

Такое преувеличение естественно<sup>10</sup>. Во-первых, среди тех, кто входит в состав подобных групп или симпатизирует им, немало активных и ярких авторов, так что они заметнее в Сети. Во-вторых, они были политической новостью начала нынешнего десятилетия, чем привлекли к себе неоправданно большое внимание, в том числе из-за того, что пытались отчасти прислониться к либерально-демократической оппозиции (впрочем, следует отметить, что с конца 2010 года то же самое пыталось сделать и ДПНИ). В-третьих (или во-первых), к национал-демократам может быть отнесен Алексей Навальный, а его политический вес намного превосходит вес других лидеров националистов.

И все же надо помнить, что все организации национал-демократов довольно малочисленны. На московских протестных маршах, равно как на “русских маршах”, их общая численность никогда не достигала даже и двух сотен человек. Вопреки мнению Ларюэль, в массовых протестах 2011–2012 годов они сыграли самую незначительную роль, хотя и очень старались. А сам Навальный, как хорошо показал Эмиль Паин<sup>11</sup>, еще в 2012 году предпочел забыть про “Хватит кормить Кавказ” и заметно отошел от националистической повестки. В разгар антимигрантской истерии 2013 года он, правда, снова использовал эту повестку в своей кампании на выборах мэра Москвы, но не выделялся в этом смысле на фоне других кандидатов (за вычетом разве что Сергея Митрохина), а потом снова подзабыл про мигрантов.

Кризис националистического движения в 2014–2015 годах чуть не убил национал-демократов. Партия “Новая сила” просто закрылась, Национально-демократическая партия почти прекратила деятельность, и без того небольшой Национал-демократический

альянс стал еще менее заметен. Новые группы национал-демократической ориентации, народившиеся на руинах движения “Русские”, пока очень слабы.

Вместо национал-демократии как специфического извода националистического движения возник другой вариант, пока в виде серии экспериментов, — системное объединение ультраправых и национал-популистов с либералами. Первой ласточкой стала парламентская кампания либеральной партии “Парнас”, когда в ее списке кандидатов на втором месте оказался Вячеслав Мальцев, известный своими скандальными ксенофобскими высказываниями. Либеральные политики оказались не просто рядом на митинге, а в одной структуре с людьми вроде неонациста Дмитрия Демушкина. Можно также назвать “Новую оппозицию”, в которой объединились — практически на безыдейной основе — самые разные группы от либеральных демократов до недавних радикальных ультраправых, но это малочисленное и эфемерное объединение.

Пожалуй, самым ярким примером подъема национал-популизма стало само движение Мальцева “Артподготовка”, лишь слегка замаскированное под национал-демократическое. По числу заметных сторонников (слово “активисты” здесь не вполне уместно) это движение начинало обгонять все остальные националистические группы, которые продолжали мельчать и дробиться. А участие актива “Артподготовки” и демушкинской Партии националистов в организованных Навальным акциях 26 марта и 12 июня 2017 года давало некоторые основания говорить о возможном сценарии национал-популистского возрождения, включающем и самого Навального (на дебатах со Стрелковым 20 июля 2017 года<sup>12</sup> Навальный счел нужным напомнить, что он все же националист).

Означает ли это, что описанный Ларюэль сценарий, предполагающий подъем национализма снизу, может стать реальностью? Думаю, пока это крайне маловероятно: масштаб национал-популизма скромнен даже на фоне в целом крайне слабой российской оппозиции (по крайней мере до тех пор, пока Навальный лишь эпизодически позициони-

рует себя как националист), его по-прежнему невозможно сравнить с соответствующими европейскими движениями. К тому же власти, очень чуткие к любой потенциальной угрозе, уже отреагировали, резко усилив давление на националистический сектор, и сектор оказался, как и ранее, весьма уязвим: в июле 2017 года Россию покинули несколько лидеров националистов, включая Мальцева, — судя по всему, для “Артподготовки” настали трудные времена.

Сегодняшняя ситуация не позволяет строить предположения относительно того будущего, когда развитие России будет определяться политическими движениями и партиями. Соответственно, невозможно сказать, будут ли среди них доминировать националистические и какого толка. Это зависит от множества обстоятельств, которые сегодня не представляется возможным просчитать — включая то, каким образом в российской политике может произойти переход к реальной борьбе между политическими движениями, а также динамику миграционных потоков, экономические процессы, развитие отношений с другими странами, ситуацию на Северном Кавказе и т.д. Пока же можно только констатировать, что национализму не удастся стать движущей силой оппозиционной мобилизации.

Более интригующим представляется также рассматриваемый Ларюэль вариант националистического поворота внутри небольшого правящего круга. Ведь если исключить совсем невероятное развитие событий, а именно что весь этот круг внезапно и разом исчезнет, то можно ожидать, что внутри него рано или поздно произойдет перегруппировка. И вполне возможно, что наверху после этого окажутся члены одной из открыто националистических “экосистем”. Насколько эти люди изменят облик официального национализма? Ларюэль считает, что радикальных изменений ожидать не стоит: новая версия официальной квазиидеологии все равно не будет этнонационалистической или более агрессивно имперской, потому что эти параметры ограничены инстинктом самосохранения режима. Ядром этой идеологии все равно останется этатизм. Однако соотношение

разных подходов к формированию будущей официальной линии все же может заметно варьировать в зависимости от субъективных факторов и перечисленных выше объективных обстоятельств.

Можно с большой уверенностью предполагать, что значительная перегруппировка в верхах приведет к большей идеологической мобилизации, так как обновленному режиму неизбежно придется расширять поддержку, а также дискредитировать и частично подавлять оппонентов. Как это выглядит, мы

видели во время идеологической мобилизации 2012 года, хотя тогда мобилизация потребовалась не из-за перестановок наверху, а из-за возникновения протеста снизу. И трудно представить себе какую-либо идеологическую основу для этой будущей мобилизации, кроме той или иной версии национализма. А уж к каким переменам это может привести — совсем открытый вопрос.

## Примечания

- 1 См., например: LARUELLE M. *In the name of the nation*. New York: Palgrave Macmillan, 2009.
- 2 Образец такого анализа см.: Понарин Э., Комин М. *Дилемма русского национализма. “Имперский” и этнический национализм в постсоветской России // Полития*. 2016. №4. С. 82–93.
- 3 LARUELLE M. *Is Nationalism a Force for Change in Russia?* // *Daedalus*. Spring 2017. Vol. 146, Issue 2. P. 89–100. URL: [http://www.mitpressjournals.org/doi/abs/10.1162/DAED\\_a\\_00437?journalCode=daed](http://www.mitpressjournals.org/doi/abs/10.1162/DAED_a_00437?journalCode=daed) (доступ 01.09.2017).
- 4 Верховский А. *Национал-радикалы от президентства Медведева до войны в Донбассе // Контрапункт*. 2015. №2. URL: <http://www.counter-point.org/%D0%BD%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%BE%D0%BD%D0%B0%D0%BB-%D1%80%D0%B0%D0%B4%D0%B8%D0%BA%D0%B0%D0%BB%D1%8B-%D0%BE%D1%82-%D0%BF%D1%80%D0%B5%D0%B7%D0%B8%D0%B4%D0%B5%D0%BD%D1%82%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B0-%D0%BC/> (доступ 25.08.2017).
- 5 С перипетиями развития движения русских националистов можно в сжатом виде ознакомиться в соответствующих главах годовых докладов Центра “Сова”, написанных Верой Альперович. На них в значительной степени опирается и данная статья. Все доклады доступны на сайте Центра (URL: <http://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/publications/> (доступ 25.08.2017)). Последний: Альперович В. *Ультраправые в протесте. Зима-весна 2017 года // Центр “Сова”*. 2017. 11 августа. URL: <http://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/publications/2017/08/d37611/> (доступ 25.08.2017).
- 6 “Диалог цивилизаций” — серия международных конференций и публикаций, призванная сближать “цивилизации”, понимаемые примерно в хантингтоновском смысле. При этом все эти “цивилизации” явно призваны объединяться против доминирующего влияния одной — секулярного и либерального Запада, хотя в рамках проекта культивируется вполне западная риторика толерантности и мультикультурализма, только понимаемых скорее в геополитическом смысле. См. сайт Фонда “Диалог цивилизаций” (URL: <http://dofc-foundation.org/ru/> (доступ 25.08.2017)).
- 7 Митрохин Н. *Нашествие фарсиан // Грани.ру*. 2014. 19 мая. URL: <http://graniru.org/opinion/mitrokhin/m.229356.html> (доступ 25.08.2017).
- 8 Понятие русского, православного “ядра” достаточно явно сформулировано в “Стратегии Государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года”, утвержденной указом президента 19 декабря 2012 года.
- 9 Этим национал-демократы отличаются от движения “Русские”, которое тоже претендовало на роль российского варианта французского Национального фронта или австрийской Партии свободы, но оставалось коалицией бывших и нынешних неонаци, которые обращались к темам свободы и демократии только тогда, когда на них слишком давили власти.
- 10 Значение этих групп склонны преувеличивать и отечественные исследователи, например, Эмиль Паин. Позже Паин пересмотрел свои оценки, но по-прежнему считает, что национал-демократы еще сыграют в России существенную роль: Паин Э. *Эволюция национализма в России // Политическая концептология*. 2016. №3. С. 231–251.
- 11 Паин Э. *Современный русский национализм в зеркале рунета // Россия — не Украина: современные акценты национализма*. М.: Центр “Сова”, 2014. С. 8–31.
- 12 Полная запись дебатов на видеоканале “Навальный LIVE”. См.: URL: <https://www.youtube.com/watch?v=cjbQdbJUibc> (доступ 25.08.2017).